

УДК 947

ЭТАТИЗМ В ИДЕЙНЫХ ПОСТРОЕНИЯХ НАРОДНЫХ СОЦИАЛИСТОВ**ETATISM IN IDEOLOGICAL CONSTRUCTIONS OF THE POPULAR SOCIALISTS**

©Протасова О. Л.

канд. ист. наук, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Россия, olia.protasowa2011@yandex.ru

©Протасова О.

*Ph.D., Tambov State Technical University
Tambov, Russia, olia.protasowa2011@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются программные взгляды представителей правого крыла российского неонародничества — партии народных социалистов — на проблемы института государства, состояния российской государственности первой четверти XX в., а также определения необходимого направления и возможных перспектив государственного развития. Показано, что народным социалистам абсолютно не были свойственны антиэтатистские суждения и настроения ни в какой из форм; напротив, с социалистическим государством в будущем они связывали установление справедливого общественного устройства, рост общей и гражданской культуры населения России. Базовым принципом их идейной концепции было признание важной роли государства в политических, социальных, экономических процессах и в области правотворчества. При этом этатистские воззрения народных социалистов были гибкими и диалектичными; их приверженность государству как главному политическому институту не была догматичной, не заслоняла интересов общества и личности.

Основные методы исследования: анализ, синтез, биографический метод, аналогия, сравнение.

Abstract. The article analyzes the program views of representatives of the right wing of the Russian neonarodnichestvo — Socialist Party of People — by the state Institute of problems, the state of the Russian state in the first quarter of the twentieth century, as well as determine the appropriate directions and possible prospects of its development. It is shown that the national socialists were not completely characteristic of anti-state judgment and mood in any form; on the contrary, a socialist state in the future, they tied a just social system, the growth of general and civic culture of the Russian population. The main principle of their ideological concept was the recognition of the basic role of the state in political, social, economic processes in the lawmaking. This statist views Popular Socialists were flexible and dialectical; their commitment to the state as the principal political institution was not dogmatic, not overshadow the interests of society and the individual.

Basic research methods: analysis, synthesis, biographical method, analogy, comparison.

Ключевые слова: государство, этатизм, общество, личность, неонародничество, демократический социализм, эсеры, народные социалисты, большевики.

Keywords: state, etatism, society, identity, neonarodnichestvo, democratic socialism, Socialist–Revolutionaries, the Popular Socialists and the Bolsheviks.

Одним из главных пунктов размежевания в политической культуре российской интеллигенции XIX — начала XX века было ее отношение к государственной власти и понимание в свете этого собственной исторической миссии. По словам германского

историка Н. Плотникова, «понятийная пара „государство — личность“ относится к числу главных болевых точек и вместе с тем наиболее часто обсуждаемых тем русской интеллектуальной и политической истории» [1, с. 52] По мере формирования и развития отечественной политической культуры в условиях запоздалой по сравнению с Европой, но форсированной модернизации [2, с. 21], характер вопроса о государстве, его роли и назначении, а также необходимости существования стал из чисто философского трансформироваться в практический, прикладной. Российские политические партии, число которых в первые годы XX века калейдоскопически быстро росло, с большей или меньшей степенью конкретизации освещали его в своих программных построениях и тактических установках.

По убеждению левых неонародников (в первую очередь — левого крыла ПСР, а с 1917 г. — ПЛСР), «социализм есть отрицание капитализма, а социалистическое общество — отрицание государства» [цит. по: 3, с. 96]. Эсеры, заявлявшие о себе как о представителях многомиллионного трудового крестьянства России, уделяли много внимания осмыслению проблем антиэтатизма и подведению под них рационалистического фундамента [4, с. 270]; примером тому служат, в частности, упования лидера эсеров В. М. Чернова на усиление роли синдикатов, призванных отобрать у государства все „полезные для рабочих функции и очистить место для нового строя“» [цит. по: там же]. Однако Чернов представлял «центристскую» группу [5, с. 41] в многочисленной и неоднородной в идейном и тактическом отношении эсеровской партии и его антиэтатизм был умеренным, а наибольшее пристрастие к антигосударственности, как и в лагере русских марксистов, проявило левое крыло — максималисты [5, с. 41].

Правое неонародничество, называемое иногда «либеральным» (правда, не все исследователи считают корректным данное словосочетание, утверждая, что народничество и либерализм — принципиально различные по базовым ценностям: либерализм отстаивает индивидуалистические начала, народничество — коллективистские, «и говорить о близости их доктринальных подходов можно с большой долей преувеличения» [6, с. 9]), в России первых двух десятилетий XX в. было представлено народными социалистами. Народные социалисты (в обиходе — энесы), подобно эсерам, позиционировали себя как партия, выступающая от имени трудового народа, в котором большинство состоит из крестьян. Партия народных социалистов, по мнению некоторых историков, образовавшаяся из правого крыла эсеров, занимала пограничную позицию в российском партийном спектре между эсерами и кадетами и, к слову, в программе партии и человеческих убеждениях ее представителей явственно звучат мотивы либерализма. Поэтому, на наш взгляд, формула «либеральное неонародничество» применительно к энесам не так уж и неприемлема. Правомерно также характеризовать их как «легальных неонародников» — они признавали лишь открытую политическую арену, легальные формы деятельности. Эта партия воплощала позитивный, но, увы, не развившийся в дореволюционной России тип политической культуры, основанный на строгих нравственно-этических принципах. Поведение энесов на поприще публичной политики нередко выглядело донкихотством и высмеивалось оппонентами, однако оно выгодно отличало эту небольшую, но самостоятельную и оригинальную партию на общем фоне межпартийной борьбы любыми средствами.

Менее других представителей демократического социализма (термин, предположительно предложенный австрийским социал-демократом Отто Бауэром [7, с. 194] и указывающий на гуманное, отрицающее диктатуру и любые формы несвободы направление социалистической мысли) энесы несли идеи либертаризма, если под таковым понимать антиэтатизм [4, с. 2–3], курс на «освобождение» от политического института государства. Этатизм — политическая концепция, которая рассматривает государство в качестве наивысшего достижения и цели общественного развития. Главным ее принципом является основная роль государства во всех политических, духовных, экономических процессах и в области правотворчества. «Задача правительственного аппарата — это

необходимость постоянного влияния на каждую сферу общественного бытия. Исходя из данной теории, у общества просто отсутствует способность к справедливому самоуправлению: правительство должно «помогать» своим гражданам» [8]. В то время как умеренные либертаристы (либералы) признавали необходимость сохранения на переходный период политико–организационных структур, не стесняющих общественную свободу, и держали курс на «минимальное государство» («ночной сторож»), а радикальные (сторонники либертарно–социалистических учений) стремились к «федерации самоуправляющихся территориальных и производственных объединений» [4, с. 3], энесы всегда оставались твердыми государственниками. Государственный аппарат, по их глубокому убеждению, должен быть крепким и сильным, управление страной — твердым, но гибким, власть обязана учитывать чаяния всего народа и оперативно реагировать на перемены его настроений и насущных нужд. Государство из извечного врага трудового народа должно превратиться в его друга и защитника, и социалистическое государство — конечная цель народных социалистов — станет таковым. «Мы должны будем и останемся государственниками» [цит. по: 9, с. 47], — подчеркивал А.В. Пешехонов, излагая основные положения партийной программы. В термин «государство» он вкладывал «всю совокупность общественных форм, соответствующих группировке личностей по территориальному признаку, т.е. и муниципию, и провинцию, и государство (в тесном смысле этого слова), и федерацию» [там же]. Этатистские воззрения народных социалистов были гибкими и диалектичными; их приверженность государству как главному политическому институту не была догматичной, не заслоняла интересов общества и личности. В этом вопросе энесы сближались с либералами. Если, например, у социал–демократов или даже эсеров личность растворяется в общественном коллективе либо вовсе приносится в жертву общественному благу, то для правых неонародников идея самоценности и верховенства человеческой личности была основополагающей. «Для нас нет и не может быть довода: это разрушает общину или вредит государству, для нас может быть только один довод: это пагубно для личности» [9, с. 11], — заявлял Пешехонов. Личность представлялась энесам как человек, самостоятельно определяющий свою жизнь, и который должен иметь возможность жить так, чтобы, по меньшей мере, участвовать в принятии решений по главным социальным вопросам. Этот человек будет обладать высоко развитым собственным достоинством, и он не сможет стать средством для других людей и организаций, даже если цели последних — самые высокие. Это не означает полного отсутствия подчинения в общественном смысле, но такого рода подчинение должно быть осмыслено личностью как необходимое, как благо.

Интересно, что до Февраля 1917 г., когда все демократы автоматически стали республиканцами, народные социалисты не предписывали России строго заданной формы правления и не вписали пункт о демократической республике в свою программу. Как сказал в 1906 г. В. А. Мякотин, в мире есть свободные монархии и недостаточно свободные республики, поэтому дело не в форме, а в содержании [10, с. 46]. К тому же, хорошо зная «трудоу народ» по работе в земских учреждениях (многие из них тесно соприкасались с массами, особенно крестьянскими), народные социалисты понимали, что непонятными словами, за которыми для простого люда кроется неведомый смысл, можно только отпугнуть и отвратить народ от борьбы за свои политические права, за «землю и волю». Приходилось считаться и с консервативно–монархическими, пусть наивными и неглубокими, мужицкими представлениями. Демократическая республика — неременная форма правления в социалистическом государстве — была для энесов идеалом, но достижимым через неопределенно продолжительное время, когда все население России осознает необходимость этой формы власти и изберет ее посредством Учредительного собрания, добровольно и обдуманно» [11, с. 84]. «С национализацией фабрик, заводов и многих других средств производства придется обождать до того времени, когда народ привыкнет устраивать свои общественные дела» [12, с. 27] — говорилось в одном из программных энесовских изданий периода I русской революции, предназначенном для широких масс. Учитывая особенности и

степень развития как общей, так и политической культуры России, энесы подчеркивали, что путь к заветному общественному идеалу очень долг и требует «известного периода творческой государственной работы» [цит. по: 10, с. 48].

Рассматривая аграрный вопрос, один из самых болезненных для России и актуальных для народников, энесы также отводили государству ведущую роль в его решении. Здесь их позиция была, на наш взгляд, гораздо определеннее, чем у эсеров. Энесовская программа национализации земли конкретна и понятна — собственник–государство передает землю крестьянам, которые будут обрабатывать ее своим трудом, в постоянное пользование по трудовой норме, в то время как эсеровское требование социализации не давало абсолютно внятного ответа, до какой степени община будет являться хозяином переданной ей «ничьей» (тоже сомнительная категория, впрочем, не смущавшая эсеров) земли, раз собственность на землю вообще ни для кого не предусмотрена. Задача национализации земли у энесов состояла в государственном попечении деревни, защите крестьянской массы от обнищания и предотвращении стихийной аграрной революции [10, с. 63]. Показательно, что, выступая за национализацию земли, энесы считали несправедливым отобрать ее без всякого вознаграждения [13, с. 442]. Выкуп отчуждаемых земель планировалось возложить на государство, равно как и все расходы, связанные с земельным переустройством. Осуществление данной программы должно было придать новый смысл давним отношениям между крестьянами и государством — ключевой фигурой в энесовской модели реорганизации общественной жизни. «Крестьяне хорошо знают силу государственной организации, — заявлял главный эксперт народных социалистов по аграрному вопросу А. В. Пешехонов, — но лишь как чуждую и враждебную. Однако эту силу можно повернуть — для этого необходимо крестьянское право ввести в систему приобретенных прав и поставить под защиту государственного аппарата» [цит. по: 14, с. 12]. «...Государством должен управлять сам народ, а не чиновники, — разъясняла изданная в 1906 г. популярная брошюра «Хлеб, свет и свобода». — Чиновники же должны только выполнять то, что прикажут народные представители» [12, с.1].

Даже в отдаленной перспективе социалистическое государство у энесов служит гарантом защиты трудового народа от социальной несправедливости. Все вопросы общественной значимости должны, по их убеждению, решаться исключительно на почве права, формулируемого и охраняемого государственной властью, что должно было найти выражение в соответствующем законе, изданном Учредительным собранием [11, с. 77]. «Собрать народные силы и удовлетворить народные нужды мы считаем невозможным без надлежащей государственной организации. Как политическая партия мы направим все усилия к тому, чтобы сделать государство народным» [15, л. 2], — провозглашала программа народных социалистов и уточняла: «Не на централистических, а на федеративных началах должно быть организовано демократическое государство. Народовластие должно быть организовано в таких формах, чтобы весь народ мог участвовать в осуществлении принадлежащей ему власти, и чтобы каждая национальность была свободна в своем культурном и политическом самоопределении» [15, л. 2]. Согласно концепции народных социалистов, в основе социализации общества лежал процесс его демократизации: демократизация государственной власти должна идти всегда впереди, опережать социализацию производства и всего общественного строя, так как для перехода к социализму должны быть созданы органы, «регулирующие и направляющие обобществляющееся производство и потребление» [по: 11, с. 77]. К прочим общественным благам, за которые необходимо было бороться в первую очередь, энесы относили широкое местное самоуправление и автономию в тех областях, где того пожелает население; 8-часовой рабочий день; минимум заработной платы; участие рабочих в управлении промышленными предприятиями; свободу стачек и профессиональных организаций [11, с. 78]. Объективно не находя в дореволюционной России реальных предпосылок для

социализма, они выдвигали всеобщее трудовое начало как основу свободы и общественного равенства [13, с. 442].

Российский государственный организм от правонароднического идеала был весьма далек. С началом в 1914 г. мировой войны, поднявшей на первых порах в России волну патриотизма, подавляющее большинство политических сил страны призывало оставить прежние раздоры и объединиться в общенациональном порыве. Однако трудность достижения истинного единства России, по мнению лидера энесов А. В. Пешехонова, состояла в том, что «ее (России — *О.П.*) государственная и общественная организация совершенно не приспособлена для выражения и реализации общей мысли, общего чувства, общей воли» [16, с. 293–294]. Народник предчувствовал, и, как оказалось впоследствии, справедливо, скорое охлаждение населения к идее национального единства, так как, «принося себя в жертву, народ ничего не получает взамен: ни улучшения жизни, ни надежды на это в будущем» [16, с. 293–294], ведь война велась Россией не столько за счет накопленных богатств, сколько за счет займов, отчасти внутренних, но главным образом внешних, платежи по которым должны были лечь на плечи трудящихся. Государственная власть с целью получения средств на военные расходы производила реквизиции, устанавливала принудительные цены, ограничивая право собственников распоряжаться своим имуществом, и все это не прибавляло ей популярности в народной среде. По мере затягивания войны все громче зазвучали голоса сторонников ее прекращения, и перед русской общественностью встала дилемма: что важнее — отечество или человечество, чьи интересы нужно защищать в первую очередь. Народные социалисты, занявшие в данном вопросе некую «срединную» позицию, призывали «не выбирать между отечеством и человечеством, а совместить их в своих мыслях, чувствах и действиях» [см. 17, с. 287]. Пешехонов порицал марксистов за их узкоклассовое понимание интернационализма: марксизм видел в государствах только организации имущих классов, отсюда и утверждение, что у пролетариата нет отечества. Пешехонов же считал, что в военное время «жизнь показала всю силу и значение национально-государственных объединений, при столкновении с которыми ступевались даже классовые антагонизмы» [17, с. 289]. Он признавал, что социалисты–народники напрасно переняли у марксизма увлечение «классовой точкой зрения», навязывающей отрицательное отношение к национально-государственным организациям и распространяющей убеждение, что война очень выгодна богатым. «В действительности привилегированные слои имеют от войны не только выгоды, но и невыгоды, — и в общем итоге эти последние... значительно превышают первые» [там же], — пояснял Пешехонов. Более того: в июне 1917 г. Пешехонов, находившийся на посту министра продовольствия Временного революционного правительства, в своем выступлении на I Всероссийском съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов, признал: «Вся трудность заключается не в преодолении сопротивления буржуазии, которая во всем уступает, а в преодолении психологии трудящихся масс, которых надо призвать к самому напряженному труду, к лишениям и отказу от довольства, к необходимым жертвам» [цит. по: 18, с. 249]. Широкие массы, несмотря на призывы революционных лидеров для достижения гражданского согласия в стране умерить социальные аппетиты, делать этого не желали, и менее всего терпимости проявляли как раз те, о ком более всего радели социалисты [10, с. 80], то есть народ. К слову, А. Ф. Керенский, бывший тогда же министром–председателем Временного правительства, в своих наблюдениях счел справедливым отметить, что «в те... дни именно буржуазия отчаянно боролась за спасение страны, против узких интересов собственного класса. Представители буржуазии с искренней радостью отказывались от привилегий, считая это счастливейшим в своей жизни случаем, величайшим делом» [19, с. 13]. Керенский утверждал, что члены органов новой власти — Временного комитета Государственной Думы, Временного правительства, представлявшие класс «буржуазии», проявляли, пожалуй, больше идеализма и самоотверженности, чем демократические представители и «демократ–революционеры» [19, с. 13]. Керенский, перешедший в 1917 г. от

трудовиков к эсерам, находился на правом фланге ПСР и по многим вопросам занимал позиции, близкие народным социалистам.

Народные социалисты неразрывно связывали категории «отечества» и «человечества»: выступая с умеренно-оборонческой позиции, главную задачу государства во время войны они видели в решении внутренних вопросов, в работе для народа, нормализация жизненных условий которого пойдет на пользу и внешнеполитическим делам. Тем временем, высказывая в 1917 г. свои соображения о государственной политике по отношению к рабочим в военное время, народные социалисты приходили к выводу, что рост забастовок, наблюдавшийся с 1915 г., вызван просчетами во внутренней политике правительства. «В огромной степени неустойчивость рабочей массы, ее склонности по всякому поводу прибегать к такому обоюдоострому оружию, как забастовка, несомненно, является результатом рабочей политики в прошлом и полное отсутствие продуманных мероприятий, отвечающих новым задачам, вставшим перед государственной властью, в связи с войной — в настоящем» [15, л. 5]. Народные социалисты считали, что «рабочий класс правительственной властью всегда рассматривался как элемент враждебный государственности», поэтому власть никогда не умела найти с ними общего языка; правые народники не удивлялись, что «за все время войны рабочий класс не услышал призывов власти, которые будили бы в нем высшие патриотические чувства, которые раскрывали бы перед ним лучшие перспективы в ближайшем будущем, вливали в него бодрость и силы в борьбе с тяжелыми лишениями» [15, л. 6]. Ради национального единства энесы готовы были сотрудничать с любой партией, стоящей на точке зрения общегосударственной пользы, за исключением интернационалистов и пораженцев, стремившихся развязать гражданскую войну в стране.

Народные социалисты, как и другие российские демократы, в период от Февраля к Октябрю 1917 г. видели и достаточно трезво оценивали недостатки деятельности органов государственного управления, в которых они сами принимали участие и которым не хватало упорства, согласованности, желаний и готовности властвовать (что, напротив, в полной мере проявили большевики). Немало вопросов вызывала роль Советов. Сами энесы были «советской» партией, но называли Советы «суррогатом народного правления» и сравнивали с временными бараками, в которых можно кое-как укрыться от непогоды, но в которых регулярная государственная жизнь ни в коем случае идти не может [11, с. 78–79]. Они находили у Советов массу организационных просчетов, таких, как, например, чрезмерная многочисленность (к осени 1917 г. в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов насчитывалось до 2 тыс. представителей от солдат и до 700 — от рабочих [20, с. 5]). По словам В. А. Мякотина, «такое многолюдное собрание, конечно, не может быть работоспособным учреждением, и в этих условиях Совет... обращается в митинг, неизбежно отрывающийся от тех масс, которые послали в него своих представителей» [20, с. 5].

Временному правительству, пытавшемуся поддержать государственный порядок, совершенствуя его, не хватало «систематичности, не останавливающейся перед репрессиями» [21, с. 59] и даже жестокости. При самых благих намерениях оно не сумело добиться авторитета в стране с крайне низкой общей культурой и практически отсутствующими традициями культуры политической, где народ привык к авторитарной форме правления. Так называемое «двоевластие» в условиях внутреннего переустройства и тяжелейшей борьбы на границах стране было отнюдь не на пользу. «Обессиливать правительство в этих условиях — значит обессиливать революцию, — был убежден В. А. Мякотин. — Конечно, все действия Временного правительства должны подлежать контролю и критике, но этот контроль и критика легче и правильнее всего могут быть осуществлены путем свободного слова и свободной печати» [20, с. 7]. Народные социалисты не сомневались, что Совет, в качестве одной из влиятельнейших организаций определенной социальной группы, может заявлять свои мнения и в общегосударственных вопросах, однако ни в коем случае не имеет права ставить себя в положение правительства и пытаться изображать из себя орган власти, стоящий рядом с Временным правительством или даже

выше его, «так как подобные попытки знаменовали бы собой попытку установления диктатуры Совета..., которая не может быть оправдана ни с какой точки зрения и неизбежным следствием которой должна явиться полная анархия» [20, с. 9]. Тем временем массы темного населения, раздраженные продолжительной, изматывающей войной, либо вовсе не интересовались происходящим в стране, либо из крайности монархизма бросались в другую крайность, подпадая под влияние ультралевых агитаторов. Русская государственность в этот период донельзя ослабла, а окончательно добита была Октябрьским переворотом, который народные социалисты дружно и однозначно осудили.

Что касается государственных взглядов большевиков, то, по меткому наблюдению правого эсера М.В. Вишняка (а у правых эсеров, как сказано выше, было немало точек идейного соприкосновения с народными социалистами), «для них как марксистов, пока они не пришли к власти, было характерно сдержанное и скептическое, а чаще всего и резко отрицательное отношение к государству» [22, с. 25]. Для Ленина государство не переставало оставаться «паразитом», который, тем не менее, временно мог быть полезен в деле подавления противников пролетариата. «Но, — отмечает Вишняк, — когда власть стала «своей», государство превратилось в «советское» и «социалистическое», отношение к власти и государству, естественно, изменилось: из врагов они превратились в пособников и друзей. Соответственно стала перестраиваться и... доктрина. Государство не только было реабилитировано, но оно было возвеличено и превознесено» [22, с. 29]. Неумеренные и склонные к политическим страстям большевики в этом вопросе, как и во многом прочем, бросились в крайность — «пришли... к наделению его (государства — *О.П.*) при этом максимальными и ничем не ограниченными полномочиями» [там же], и получилось в соответствии с тезисом Муссолини: «Все в государстве, ничто вопреки государству, ничто вне государства» [22, с. 30].

В 1919–20 г. г. стали намечаться расхождения во взглядах и настроениях внутри ТНСП, и касались они прежде всего вопроса государственной организации. У А. В. Пешехонова возникли разногласия на сей счет с ближайшими товарищами по партии — В. А. Мякотиним, С. П. Мельгуновым и другими бескомпромиссными противниками большевиков. Пешехонов старался быть по возможности беспристрастным и объективным и рассуждать не как политик, а как наблюдатель, «обыватель». Сразу по приезде в эмиграцию, в 1923 г., он опубликовал брошюру под названием «Почему я не эмигрировал?» [21], где изложил свои личные впечатления о жизни при советской власти. Русская эмиграция не менее года спорила об этой книге–исповеди: больше всего ее интересовал вопрос, порицает ли социалист–неонародник большевиков или оправдывает. Брошюра не содержала взвешенного резюме провалов и успехов советской власти, она была скорее эмоциональной, чем аналитической: отношение Пешехонова к государственной деятельности большевиков на тот момент еще не систематизировалось. Убежденный государственник, Пешехонов ни в одном из белогвардейских правительств не видел созидательного начала и реальных претензий на настоящую, а не бутафорскую власть. У большевиков оказалась воля к власти, которой недоставало Временному правительству, поддерживаемому российскими демократическими социалистами (Пешехонов мог судить об этом особенно авторитетно, так как сам он в течение трех месяцев занимал пост министра продовольствия Временного правительства). «Большевики... восстановили российскую государственность... Да, большевики, — не одни они, но главным образом они эту государственность разрушили, но они же ее и воссоздали... Они проявили в этом небывалую энергию, упорную настойчивость и дьявольскую изобретательность» [21, с. 54–59], — заявлял А. В. Пешехонов. Методы и приемы, используемые при этом большевиками, он порицал: «Самая безответственная демагогия, наглый обман, бесчеловечная жестокость — были их главными орудиями. Они натворили массу нелепостей, довели народ до неслыханного голода и одичания, всю страну залили кровью» [21, с. 54]. В результате великих потрясений в России исчезли последние намеки на демократию. Даже Советы, якобы представлявшие собой власть в стране, по

оценке Пешехонова, на деле являлись фетишем. Действительная же и единственная обладательница власти в стране — компартия, свободная, в свою очередь, еще менее, чем остальное общество, так как это «чисто военная организация, приспособленная для того только, чтобы передавать и приводить в исполнение приказания сверху» [21, с. 64], шедшие из главного штаба, называемого ЦК. Однако эти оценки не помешали Пешехонову уже тогда быть несправедливо раскритикованным многими представителями эмиграции как апологет большевизма.

В 1926–27 г. г., уже практически окончательно разошедшись с эмиграцией по поводу отношения к новой России, А. В. Пешехонов опубликовал в пражском журнале «Воля России» цикл очерков под названием «Опыт национализации» [23–25], расцененный как окончательное приятие автором большевистской политики и, следовательно, измена борьбе за демократические идеалы. Источники, по которым можно было изучать советскую Россию, были, естественно, весьма тенденциозны: эмигрантские рисовали советскую действительность в мрачных тонах, советские были исключительно оптимистичны. Сведения из последних и превалировали в качестве фактографического подспорья у Пешехонова в аналитических отчетах образца 1926–1927 г. г.

Задача национализации в России состояла не только в том, чтобы реорганизовать хозяйство и идущую полным ходом хозяйственную жизнь перевести на другие рельсы; задача была несравненно труднее: нужно было воссоздать хозяйственную жизнь, отлив ее в государственные формы. При этом не следовало ожидать помощи от других стран; приходилось довольствоваться теми ресурсами и точками опоры, которые можно было найти внутри страны.

А. В. Пешехонов утверждал, что, невзирая на все текущие неудачи, советское руководство избрало правильный путь: «Такого быстрого расширения производства, торговли и кредита, какое имело место за последние годы в России, ее экономическая история еще не видела» [24, с. 118].

Обращаясь к кризисной ситуации «ножниц цен» в России, А. В. Пешехонов делал вывод, что город, где господствовало государственное хозяйство, существовал за счет села, где преобладало частное, а возмущавшие жизнь колебания цен шли из сферы частного, точнее, сельского хозяйства. Постоянные кризисы сельского хозяйства шли также оттого, что после революции и «военного коммунизма» оно было почти разрушено и совершенно дезорганизовано. Если промышленность существовала и росла в значительной мере за счет доходов сельского хозяйства, то последнему вовсе неоткуда было ждать поддержки. Из этого, по Пешехонову, следовало, что советские национализированные отрасли народного хозяйства находились в лучшем состоянии, нежели ненационализированные, что шло вразрез с мнением эмигрантской печати. «Идея национализации, даже в большевистских руках, блестяще себя оправдала» [25, с. 97], — писал он.

Это была, конечно, апология «милой его сердцу национализации» и, в гораздо меньшей степени, — большевиков, но эмиграция уже настроилась на то, что Пешехонов — примиренец, и в каждой его фразе слышала капитулянтские мотивы. Пешехонов же, стараясь быть объективным, констатировал, что предубеждение эмигрантских кругов против всего, что происходило в России, мешало им отличить хозяйство эпохи «военного коммунизма» от хозяйства периода нэпа. Пешехонов уточнял, что национализация сама по себе еще не есть социализм. Она — один из форпостов, очень важный, на пути к нему. Основная ошибка большевиков заключалась в отсутствии терпения, когда они задумали одним махом прыгнуть в «царство свободы». Пешехонов признал, что большевики совершили множество грубейших ошибок, отчасти по незнанию, отчасти подчиняясь приоритету идеологии над реальностью. В частности, ошибочной оказалась аксиома, которой придерживались не только большевики, но и другие социалистические партии, что дело в «экспроприации экспроприаторов» и в том, «чтобы сделать средства и орудия производства общественной собственностью. Большевики сделали общественной собственностью не только средства

производства, но и предметы домашнего обихода и личного потребления. В результате получился ужас. Но затем, — добавлял Пешехонов, — опытным путем они пошли на другую дорогу, и мы начинаем понимать, что центр тяжести вопроса не в собственности, а в управлении народным хозяйством» [25, с. 100]. В результате этой национализации, по признанию Пешехонова, была ослаблена сила имущих классов и возможность их сопротивления хозяйственной политике в интересах трудящихся масс. Народник призывал не отменить положительный опыт большевиков, а разумно воспользоваться его плодами и переосмыслить значение понятия социализма. Путь к социализму он видел в осуществлении планового, регулируемого хозяйства, сопровождаемого, разумеется, демократическими методами управления страной. Плюрализма и демократии в Советском Союзе не было, но Пешехонов свято верил (или старался себя в этом убедить) в их постепенное возрождение.

Просоветская позиция А. В. Пешехонова в столь принципиальном с концептуальной, программной точки зрения вопросе, как огосударствление, окончательно развела его с остальными энесами-эмигрантами, оставив в идейном, да и фактическом, одиночестве. Бывшие товарищи Пешехонова по партии оставались непримиримыми (едва ли не более, чем кто бы то ни было в эмиграции) противниками большевизма и находили пороки в любой из инициатив советского руководства, в том числе новой экономической политике, с которой ряд представителей других оппозиционных ленинцам социалистических партий связывал надежду на эволюцию большевизма в сторону разумности и демократизма.

Итак, народные социалисты на всем протяжении существования и деятельности своей партии ни разу не усомнились в целесообразности и полезности государства как политического института; они видели необходимость его усовершенствования, реформирования, движения в сторону социалистического идеала, который в их представлении несет немало черт феномена, ныне именуемого гражданским обществом — то есть цели современных демократий. С лишением возможности активно действовать на российском поприще стали проявляться разногласия среди идеологов партии, но они лежали вне плоскости идейных, в частности, этатистских, убеждений энесов и относились лишь к политической реальности, отмеченной победой большевиков и удалением представителей всех других партий с отечественной публичной арены. А. В. Пешехонов со временем проявил лояльность к большевикам и выразил настоятельное желание участвовать в построении советского государства (это свидетельствовало, впрочем, не о согласии с их политической линией, а о любви к России и невозможности жить в отрыве от нее). Другие энесы категорически не принимали новой власти и не ассоциировали Россию большевистскую со своей родиной и ее культурой. Однако государственниками до самого конца они оставались все.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-01-00157а.

This article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Humanities (RHF), project number 15-01-00157a.

Список литературы:

1. Плотников Н. Понятия «государства» и «личности» в русской интеллектуальной истории // Человек и личность в истории России, конец XIX–XX вв.: Материалы международного colloquium. СПб: Нестор-История, 2013. С. 52–67.
2. Дьячков В. Л. и др. Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. 160 с.
3. Сапон В. П. Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 г.г.). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета. 2008. 33 с.

4. Сапон В. П. Философия пробудившегося человека. Либертаризм в российской леворадикальной идеологии (1840-е—1917 г.г.). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2005. 334 с.
5. Морозов К. Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 37–56.
6. Зверев В. В. Русское народничество: Учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 2009. 286 с.
7. Кукушкина И. А. Красная Вена: теория и практика австрийского демократического социализма // Судьбы демократического социализма в России: Сборник материалов конференции / Предисл. К.Н. Морозова. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 194–201.
8. Этатизм — это... Этатизм: плюсы и минусы. Режим доступа: <http://fb.ru/article/165430/etatizm---eto-etatizm-plyusyi-i-minusyi> (дата обращения 12.08.2016).
9. Пешехонов А. В. Программные вопросы. Вып. 1. Основные положения. Прага: Задруга, 1917. 81 с.
10. Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
11. Протасов Л. Г., Протасова О. Л. Народные социалисты // Родина. 1994. №10. С. 76–81.
12. Пешехонов А. В. Хлеб, свет и свобода. СПб: Типография Н.Н. Клобукова, 1906. 79 с.
13. Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л. Г. Протасов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.
14. Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М.: МГУ, 1979. 192 с.
15. ГА РФ. Ф. 4653. Оп. 1. Д. 28.
16. Пешехонов А. В. На очередные темы. «Единая Россия» // Русское богатство. 1914. №9. С. 293–323.
17. Пешехонов А. В. Отечество и человечество // Русские записки. 1916. №1. С. 279–298.
18. Суханов Н. Н. Записки о революции. В 3-х т. Т. 2–3. М.: Республика, 1991. 1030 с.
19. Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М.: Центрполиграф, 2005. 383 с.
20. Мякотин В. А. Великий переворот и задачи момента. М.: Задруга, 1917. 16 с.
21. Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал? Берлин: Обелиск, 1923. 78 с.
22. Вишняк М. В. Государство по Ленину и под Сталиным // За свободу. 1947. №18. С. 25–33.
23. Пешехонов А. В. Опыт национализации // Воля России. 1926. №7–9. С. 147–169.
24. Пешехонов А. В. Опыт национализации // Воля России. 1926. №10. С. 106–125.
25. Пешехонов А. В. Опыт национализации // Воля России. 1927. №12–1. С. 78–104.

References:

1. Plotnikov N. Ponyatiya “gosudarstva” i “lichnosti” v russkoi intellektualnoi istorii. Chelovek i lichnost v istorii Rossii, konets XIX–XX vv.: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma. SPb: Nestor–Istoriya, 2013, pp. 52–67.
2. Dyachkov V. L. i dr. Politicheskie deyateli rossiiskoi provintsii ot epokhi Nikolaya II do Stalina. Tambov: Izdatelskii dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2013, 160 p.
3. Sapon V. P. Ternovyi venets svobody. Libertarizm v ideologii i revolyutsionnoi praktike rossiiskikh levykh radikalov (1917–1918 g.g.). Nizhnii Novgorod, Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2008, 33 p.

4. Sapon V. P. *Filosofiya probudivshegosya cheloveka. Libertarizm v rossiiskoi levoradikalnoi ideologii (1840-e—1917 g.g.)*. Nizhnii Novgorod, Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2005, 334 p.
5. Morozov K. N. “Partiya tragicheskoi sud'by”: vklad partii sotsialistov–revolyutsionerov v kontseptsiyu demokraticeskogo sotsializma i ee mesto v istorii Rossii. *Sudby demokraticeskogo sotsializma v Rossii: sbornik materialov konferentsii*. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2014, pp. 37–56.
6. Zverev V. V. *Russkoe narodnichestvo: Uchebnoe posobie*. Moscow, Izd-vo RAGS, 2009. 286 p.
7. Kukushkina I. A. *Krasnaya Vena: teoriya i praktika avstriiskogo demokraticeskogo sotsializma. Sudby demokraticeskogo sotsializma v Rossii: Sbornik materialov konferentsii*. Predisl. K.N. Morozova. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2014, pp. 194–201.
8. *Etatizm — eto... Etatizm: plyusy i minusy*. Available at: <http://fb.ru/article/165430/etatizm--eto-etatizm-plyusyi-i-minusyi>, accessed 12.08.2016.
9. Peshekhonov A. V. *Programmnye voprosy. Vyp. 1. Osnovnye polozheniya*. Prague, Zadruga, 1917, 81 p.
10. Protasova O. L. A. V. *Peshekhonov: Chelovek i epokha*. Moscow, ROSSPEN, 2004. 240 p.
11. Protasov L. G., Protasova O. L. *Narodnye sotsialisty*. *Rodina*, 1994, no. 10, pp. 76–81.
12. Peshekhonov A. V. *Khleb, svet i svoboda*. SPb, Tipografiya N. N. Klobukova, 1906, 79 p.
13. *Vserossiiskoe Uchreditelnoe sobranie: Entsiklopediya*. avtor–sostavitel L. G. Protasov. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2014, 555 p.
14. Erofeev N. D. *Narodnye sotsialisty v pervoi russkoi revolyutsii*. Moscow, MGU, 1979. 192 p.
15. GA RF. F. 4653. Op. 1. D. 28.
16. Peshekhonov A. V. *Na ocherednye temy. “Edinaya Rossiya”*. *Russkoe bogatstvo*, 1914, no. 9, pp. 293–323.
17. Peshekhonov A. V. *Otechestvo i chelovechestvo*. *Russkie zapiski*, 1916, no. 1, pp. 279–298.
18. Sukhanov N. N. *Zapiski o revolyutsii. V 3-kh t. T. 2–3*. Moscow, Respublika, 1991, 1030 p.
19. Kerenskii A. F. *Russkaya revolyutsiya 1917*. Moscow, Tsentrpoligraf, 2005, 383 p.
20. Myakotin V. A. *Velikii perevorot i zadachi momenta*. Moscow, Zadruga, 1917, 16 p.
21. Peshekhonov A. V. *Pochemu ya ne emigriroval?* Berlin, Obelisk, 1923, 78 p.
22. Vishnyak M. V. *Gosudarstvo po Leninu i pod Stalinym. Za svobodu*, 1947, no. 18, pp. 25–33.
23. Peshekhonov A. V. *Opyt natsionalizatsii. Volya Rossii*, 1926, no. 7–9, pp. 147–169.
24. Peshekhonov A. V. *Opyt natsionalizatsii. Volya Rossii*, 1926, no. 10, pp. 106–125.
25. Peshekhonov A. V. *Opyt natsionalizatsii. Volya Rossii*, 1927, no. 12–1, pp. 78–104.

*Работа поступила
в редакцию 18.10.2016 г.*

*Принята к публикации
22.10.2016 г.*